

Предваряя решение Конституционного Суда

А. Н. АНТИПОВ – ведущий научный сотрудник НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. Н. СТРОГОВИЧ – старший научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России

Периодически в судебной практике возникают ситуации, когда при рассмотрении конкретных уголовных дел ставится вопрос о соответствии тех или иных норм действующего законодательства положениям Конституции Российской Федерации. Правовую позицию в подобных случаях формирует Конституционный Суд Российской Федерации, который всесторонне исследует материалы, обращаясь (при необходимости) в целях углубленного изучения к компетентным органам и организациям, и выносит соответствующее решение о наличии (отсутствии) правовых коллизий.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; запрос; проверка; соответствие Конституции Российской Федерации; принципы; дифференциация юридической ответственности; законодательство.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. Предваряя решение Конституционного Суда. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 2 (12), с. 57–61, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-57-61.

Preceding a decision of the Constitutional Court

A. N. ANTIPOV – Leading Researcher of the Scientific Research Center-3 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor;

YU. N. STROGOVICH – Senior Researcher of the Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

From time to time in judicial practice situations arise when considering specific criminal cases the question is raised about the compliance of certain norms of the current legislation with the provisions of the Constitution of the Russian Federation. The legal position in such cases is formed by the Constitutional Court of the Russian Federation, which comprehensively examines the materials, referring (if necessary) for a comprehensive, in-depth study to the competent authorities and organizations and makes an appropriate decision on the presence (absence) of legal conflicts.

Key words: Constitutional Court; inquiry; check; compliance with the Constitution; principles; differentiation of legal responsibility; legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Antipov A. N., Strogovich Yu. N. Preceding a decision of the Constitutional Court. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 57–61, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-57-61.

Как известно, установление юридической ответственности и применяемых за совершенные правонарушения санкций в отношении виновных лиц, включая их дифференциацию по различным критериям, является достаточно сложным предметом

законодательного регулирования. Заметим, что в данном правиле возможны исключения – в отдельных случаях до принятия соответствующего федерального закона Президент Российской Федерации на временной основе может восполнить существующий пробел, фактически осуществляя функции федерального законодателя. Например, в целях определения порядка прохождения службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ до принятия соответствующего федерального закона в соответствии со ст. 80 Конституции Российской Федерации Президентом России был издан соответствующий указ от 05.06.2003 № 613 «О службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

Установление уголовной ответственности, ее оснований и случаев освобождения от нее, видов наказания, санкций за конкретные преступления и их дифференциации, условий исполнения наказаний является исключительной прерогативой законодательного органа Российской Федерации.

Реализуя свои полномочия, законодатель обязан придерживаться главного, вытекающего из духа и буквы Конституции Российской Федерации правила – неукоснительного следования конституционным нормам (положениям) как по содержанию, так и по смыслу.

Применительно к сфере уголовной юстиции эта обязанность заключается, в частности, в соблюдении таких общеправовых конституционных принципов и положений, как принципы законности, равенства всех перед законом, вины, справедливости, гуманизма, неотвратимости, соразмерности, необходимости. Первые пять принципов нашли непосредственное воплощение в уголовном законодательстве Российской Федерации, в частности в ст. 1–7 УК РФ.

Несмотря на то, что принцип неотвратимости закреплен не в российском законодательстве, а в международном нормативном правовом акте (ст. 7 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ 1996 г.), он в полной мере согласуется с положениями Общей части УК РФ и означает, что лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию, освобождение от которого возможно только при наличии установленных оснований и условий.

Что касается принципа соразмерности, вытекающего из принципа равенства, то он в качестве такового провозглашен в ст. 308.3 и 393 ГК РФ, ст. 206 ГПК РФ и ст. 174 АПК РФ.

В уголовно-правовой сфере регулирования принцип соразмерности не закреплен в качестве такового, однако он прямо называется принципом в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации¹. Исходя из анализа правоприменительной практики², соразмерность наказания совершенному правонарушению может и должна учитываться именно в качестве принципа.

Наконец, говоря о принципе необходимости устанавливать различия в правовом регулировании не произвольно, а исходя из конституционно значимых целей, отметим, что он прямо и недвусмысленно следует из конституционного положения, непосредственно адресованного законодателю (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Подчеркнем, что в рамках конкретного дела полнота и точность правовых норм, соответствие их вышестоящим по юридической силе нормативным правовым актам (в данном случае Конституции Российской Федерации), единообразное понимание и применение норм, наличие или отсутствие конфликтов между нормами как различных нормативных актов, так и внутри одного, обеспечение идентичности регулирования сходных общественных отношений становятся предметом судебной проверки.

Особым случаем является проверка норм федеральных законов, примененных или подлежащих применению в конкретном деле³, на соответствие Конституции Российской Федерации, осуществляемая Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) в рамках конституционного судопроизводства. Конституционный Суд вправе осуществлять проверку норм федеральных законов (иных нормативных правовых актов) в процессе так называемого абстрактного конституционного нормоконтроля, то есть вне связи с конкретным делом, где эти нормы применялись или могут быть применены, по запросу соответствующих уполномоченных лиц и (или) государственных органов.

Так, в частности, Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусмотрено, что суд общей юрисдикции, рассмотрев конкретное дело и придя к выводу о несоответствии подлежащего применению закона Конституции Российской Федерации, приостанавливает производство и обращается в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности этого закона. После проведения всесторонней и

комплексной проверки материалов запроса Конституционный Суд принимает постановление о признании закона (его отдельных положений) соответствующим или не соответствующим Конституции Российской Федерации. Обязательной стадией производства в Конституционном Суде является предварительное изучение запроса судьей Конституционного Суда. В этих целях судья может (при необходимости) направить запрос в соответствующий государственный орган (организацию) с предложением изложить компетентное мнение, сформировать позицию, дать комментарии по рассматриваемому вопросу.

Один из таких запросов судьи Конституционного Суда в Федеральную службу исполнения наказаний стал основанием для формулирования позиции, в выработке которой приняли непосредственное участие авторы настоящей статьи. В частности, было необходимо подготовить аргументированное мнение по существу правовой позиции суда общей юрисдикции (далее – суд, заявитель), содержащейся в его запросе в Конституционный Суд.

Краткая фабула представленного дела и позиция суда заключались в следующем.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая уголовное дело в отношении гражданина У., посчитал не соответствующими Конституции Российской Федерации следующие законоположения:

– норму ч. 4 ст. 47 УК РФ, согласно которой в случае, когда лицу назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного к обязательным работам (исправительным работам, ограничению свободы), срок дополнительного наказания исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу; если же это наказание назначено в качестве дополнительного к лишению свободы (аресту, принудительным работам), его срок исчисляется с момента отбытия основного наказания, хотя запрет, предусмотренный дополнительным наказанием, действует в течение всего срока отбывания основного наказания;

– норму ч. 2 ст. 36 УИК РФ, согласно которой в случае, когда лицу назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного к лишению свободы (аресту, принудительным работам), его срок исчисляется со дня освобождения осужденного

из исправительного учреждения (исправительного центра, арестного дома).

Как полагает заявитель, оспариваемые взаимосвязанные законоположения, подлежащие применению в конкретном деле, противоречат ст. 1 (ч. 1), 19 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют засчитывать в срок отбывания дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью период времени с момента вступления приговора в законную силу до дня прибытия осужденного к лишению свободы в колонию-поселение при самостоятельном следовании осужденного к месту отбывания основного наказания.

По мнению суда, лица, которым наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью назначено в качестве дополнительного к лишению свободы с предписанием самостоятельного следования к месту отбывания наказания в колонию-поселение, до прибытия в исправительное учреждение находятся в сходной правовой ситуации с теми лицами, которым данное наказание назначено в качестве дополнительного к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, а также при условном осуждении. Поскольку дата начала исчисления срока отбывания дополнительного наказания в указанных случаях определяется по-разному, заявитель считает, что тем самым нарушается конституционный принцип равенства, в соответствии с которым однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом. Любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать конституционным требованиям, допускающим такие различия в том случае, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства.

Изучив представленные материалы и проанализировав нормы действующего законодательства, мы сделали заключение, что доводы заявителя, изложенные им в запросе в Конституционный Суд, не представляются убедительными, в полной мере учитывающими смысл таких взаимосвязанных положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, как, в частности, ст. 3 (принцип законности), ст. 4 (принцип равенства граждан перед законом), ст. 6 (принцип справедливости), ст. 43 и 46 УК РФ,

ст. 36 и 75.1 УИК РФ, а также правовых позиций, выраженных Конституционным Судом в ряде своих решений.

Вполне обоснованно можно полагать, что федеральный законодатель осознанно предусмотрел в одних случаях начало исчисления срока дополнительного наказания с момента вступления приговора суда в законную силу, а в других – с момента отбытия основного наказания. Как представляется, такая дифференциация уголовной ответственности, точнее условий применения санкций, напрямую связана с тяжестью совершенного деяния, то есть с предусмотренным уголовным законом за его совершение наказанием, включая установленные санкции, и направлена на достижение целей применения наказаний (ч. 2 ст. 43 УК РФ), усиление исправительного воздействия дополнительного наказания на осужденного, приговоренного к более строгому основному наказанию, предупреждение новых преступлений и тем самым на защиту личности, общества и государства от возможных преступных посягательств.

Кроме того, следует также учитывать, что поскольку на практике некоторые осужденные по разным причинам затягивают сроки прибытия к месту отбывания основного наказания (в колонии-поселении), то, если предположить, что срок отбывания дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью будет исчисляться с момента вступления приговора в законную силу (как это фактически полагает справедливый заявитель), это может привести к реальным отрицательным последствиям, так как в этом случае получается, что время, в течение которого осужденный скрывается от исполнения наказания или по другим неуважительным причинам не прибывает в колонию-поселение, будет засчитано ему в срок отбывания дополнительного наказания. Иными словами, оспариваемые законоположения в действующей редакции дополнительно мотивируют осужденного самостоятельно максимально быстро добраться до места исполнения основного наказания.

Резюмируя сказанное с учетом выраженных Конституционным Судом правовых позиций, представляется возможным констатировать, что:

– при решении вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ преступления, а также о процессуальном механизме их реализации федеральным законодателем долж-

ны обеспечиваться не только соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, но и баланс частных (основных прав осужденного) и публичных (защита личности, общества и государства от преступных посягательств) интересов;

– оспариваемые заявителем законоположения в системе уголовно-правового регулирования направлены на реализацию принципов законности, равенства и справедливости, являются частью механизма достижения целей наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений – и тем самым позволяют обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию средств уголовно-правового воздействия на лицо, виновное в совершении преступления;

– федеральный законодатель, действуя в общих интересах, должен обеспечивать на основе общеправовых принципов в сфере уголовно-правового регулирования дифференциацию предусматриваемых им мер уголовно-правовой ответственности в зависимости от общественной опасности содеянного, отвечающую при этом требованиям справедливости, разумности и соразмерности.

Таким образом, по совокупности имеющихся аргументов представляется возможным сделать вывод о том, что во взаимосвязи с другими положениями уголовного и уголовно-исполнительного законов оспариваемые заявителем законоположения не допускают избыточного ограничения прав и свобод при их применении, не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, и в полной мере согласуются с такими отраслевыми правовыми принципами, как принципы равенства граждан перед законом и справедливости, законности, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

В заключение отметим, что окончательную точку в вопросе о том, чья позиция – изложенная выше или заявителя – наиболее точно соответствует конституционным положениям, должен поставить Конституционный Суд Российской Федерации. Остается только ждать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 10.02.2017 № 2-П; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 1962-О.

² См., например: постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П; от 15.07.1999 № 11-П; от 29.06.2012 № 16-П; от 25.01.2001 № 1-П; от 17.07.2002 № 13-П; от 19.03.2003 № 3-П; от 13.03.2008 № 5-П; от 27.05.2008 № 8-П; от 13.07.2010 № 15-П; от 18.05.2012 № 12-П; от 17.01.2013 № 1-П; от 14.02.2013 № 4-П; от 25.02.2014 № 4-П; от 08.04.2014 № 10-П; от 15.09.2015 № 1828-О; от 29.03.2016 № 461-О; от 07.06.2000 № 10-П; от 27.04.2001 № 7-П; от 09.04.2003 № 172-О; от 06.07.2010 № 934-О; от 19.11.2015 № 2732-О; от 09.04.2003 № 116-О; от 05.11.2003 № 349-О; от 16.07.2009 № 919-О и др.

³ См., например: По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 11.12.2014 № 32-П; По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22.03.2018 № 12-П.

¹ Sm., naprimer: Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 212.1 Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Dadina : postanovlenie Konstituc. Suda Ros. Federacii ot 10.02.2017 № 2-P; opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29.09.2015 № 1962-O.

² Sm., naprimer: postanovleniya i opredeleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.12.2016 № 28-P; ot 15.07.1999 № 11-P; ot 29.06.2012 № 16-P; ot 25.01.2001 № 1-P; ot 17.07.2002 № 13-P; ot 19.03.2003 № 3-P; ot 13.03.2008 № 5-P; ot 27.05.2008 № 8-P; ot 13.07.2010 № 15-P; ot 18.05.2012 № 12-P; ot 17.01.2013 № 1-P; ot 14.02.2013 № 4-P; ot 25.02.2014 № 4-P; ot 08.04.2014 № 10-P; ot 15.09.2015 № 1828-O; ot 29.03.2016 № 461-O; ot 07.06.2000 № 10-P; ot 27.04.2001 № 7-P; ot 09.04.2003 № 172-O; ot 06.07.2010 № 934-O; ot 19.11.2015 № 2732-O; ot 09.04.2003 № 116-O; ot 05.11.2003 № 349-O; ot 16.07.2009 № 919-O i dr.

³ Sm., naprimer: Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 159.4 Ugo-lovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Salexardskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenezckogo avtonomnogo okruga : postanovlenie Konstituc. Suda Ros. Federacii ot 11.12.2014 № 32-P; Po delu o proverke konstitucionnosti chastej pervoj i tret'ej stat'i 107 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.A. Kostromina : postanovlenie Konstituc. Suda Ros. Federacii ot 22.03.2018 № 12-P.